

Национальные и региональные идентичности

БАЛКАНЫ КАК ПРОСТРАНСТВО ПРОБЛЕМНОЙ НАДНАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Валентин Тодоров Михайлов,
кандидат географических наук,
научный сотрудник Департамента географии Болгарской академии наук
E-mail: valiomihailov@abv.bg

В статье сделана попытка определить основные признаки балканской идентичности и обозначить её историко-географические контуры. Автор рассматривает Балканы как физико-географическое, геокультурное и геополитическое пространство, а также анализирует цивилизационные самоидентификации современных народов Юго-Восточной Европы. Доказывается, что Балканы в символическом отношении остаются периферийным регионом Европы, у которого нет общепринятых границ на севере и западе. Подробно разбираются идеологические вопросы о включении различных народов и государств в общую балканскую наднациональную идентичность и её значение для них.

Ключевые слова: наднациональная идентичность; балканская идентичность; Балканы; Балканский полуостров; Балканский регион; балканизация; балканский культурный ландшафт; балканский город.

УДК 911.3:327.39(497)

Введение

Общие культурно-исторические признаки отдельных народов, их географическое соседство и особенно совместное проживание на определённой территории обычно считаются предпосылками к формированию *наднациональных идентичностей* и развитию региональной интеграции. Учитывая эти теоретические постулаты, главная цель настоящей статьи – определить сущность и основные пространственные особенности амбивалентной *балканской идентичности*. Идентичность здесь мы понимаем как совокупность субъективных и объективных характеристик человеческих индивидов или групп (социальных, политических, этнических, цивилизационных, территориальных и др.), определяющих их специфику, уникальность, тождественность, а также отличия от других индивидов или групп.

Несмотря на огромное количество публикаций о балканской культуре, истории и географии, учёные-балканисты ставят фундаментальный вопрос: *существует ли* в этой периферийной (в наши дни) части Европы единая наднациональная идентичность? В поиске ответа на этот вопрос мы выдвигаем следующую *гипотезу*: Балканы – это регион, у жителей которого *есть общая идентичность* – наднациональная и надрелигиозная. Однако эта идентичность *не слишком престижна и желанна*, чтобы стать реальным и долгосрочным фактором геополитического и институционального объединения. Причина этого – в *наложении* друг на друга нескольких идентификационных маркеров при отсутствии строгих границ между ними: Балканы, Центральная Европа, Черноморский и Средиземноморский регионы, исламский мир и др.

Полуостров, названный по ошибке: физико-географические особенности Балкан

Говоря о балканской культурной идентичности, нельзя не остановиться на физико-географических характеристиках Балканского полуострова. Это обусловлено тем, что культура и ментальность народов этой части Европы, их исторические судьбы тесно связаны с разнообразным природным окружением. Пестрота ландшафтов ретранслируется и способствует многовековому сохранению пестроты этнической, лингвистической, конфессиональной, фольклорной.

Полуостров назван по Балканским горам, протянувшимся на 530 км по параллели в восточной части полуострова на территории Болгарии и восточной Сербии. Само слово «балкан» имеет турецкое происхождение и означает «зелёные лесные горы». В научный обиход наименование вошло в начале XIX века. Тогда Иоганн Август Цойне (Johann August Zeune, 1778-1853) определил Балканы как самостоятельный полуостров Европы. С давних времён эти горы назывались Хемус, Стара-Планина, *Catena Mundi* или *Catena del Mundo*, что означает центр мира [Цвијић 2000а: 14]. Они служили северной границей Греции, Фракии и Македонии. Греки рассматривали их как на границу цивилизованного мира. И.А. Цойне также был убеждён в том, что Балканские горы простираются непрерывно от берегов Чёрного моря на запад до Альп.

Позднее была доказана ошибочность этого утверждения, однако с конца XIX – начала XX века понятие «Балканы» всё интенсивнее используется для определения нового геополитического и геокультурного региона, возникающего на руинах Османской империи в Европе. Независимо от исключительного разнообразия биоклиматических и морфологических условий, одна из самых главных физико-географических характеристик полуострова – это наличие *нескольких горных систем*: Стара-Планина, Рило-Родопский массив, Динарское нагорье, Пинд, горы Пелопоннеса. Горный характер Балкан ярко проявляется в восприятии пространства и продуцируемых географических образах. Возможно, В. Папакоста был прав: название Балкан «соответствует географической реальностью – это *самый горный* полуостров в Европе» [Тодорова 2008: 71].

С физико-географической точки зрения Балканский полуостров занимает около 505 тыс. км². Это составляет 4,96% территории Европы или 0,33% площади земной суши. С трёх сторон – с юго-запада, с востока и с юга – его чёткие границы определяются Адриатическим, Ионическим, Эгейским, Мраморным и Чёрным морями. Самый проблемный вопрос связан с проведением границ Балканского полуострова на западе и на севере – и дискуссии здесь носят в том числе геокультурный и геополитический характер. «На севере Балканский полуостров так сильно слился с материком, что здесь любая линия границы, предложенная различными авторами, характеризуется большой условностью» [Wituch 1998: 136]. Надо отметить, что ряд хорватских географов вообще отрицают существование Балканского полуострова. Очень показательны, в том числе и для понимания хорватского национального самосознания и его *топофобии* по отношению к названию Балкан, мнение Мирелы Слукан Алтич. Отрицая балканскую принадлежность Хорватии, она утверждает, что только Греция, а также части Албании и Македонии имеют ярко выраженное полуостровное положение. «Нет никаких географических оснований в обособлении Балканского полуострова; Балканы – это исключительно геополитическая категория. Историко-географ В. Рогич считал: если бы в этой части Европы существовал какой-либо полуостров, то его следовало бы назвать Греко-Албанским. Это название, пожалуй, лучше всего передаёт физико-географическую реальность» [Slukan Altić 2011: 405].

Что касается самой дискуссионной северной границы, существует несколько точек зрения. Самая популярная – концепция Йована Цвиича (Јован Цвијић, 1865-1927). По мнению сербского географа, северную границу полуострова надо установить по рекам Саве и Дунаю, на рубеже Среднедунайской (Паннонской) низменности. Сухопутная граница с Центральной Европой составляет более 1600 км. На западе она начинается у Триестского

залива, проходит по долинам рек Соча (Изонцо), Идрица, Сора и Сава до устья последней в Белграде. От сербской столицы северная граница полуострова проходит на восток вдоль Дуная до Чёрного моря [Карастоянов 2002: 32]. В этих границах к Балканскому полуострову причисляется также маленький фрагмент Северо-Восточной Италии (см. рис. 1).

Рис.1 Балканы как физико-географический, геокультурный и геополитический регион
 (Автор.: В. Михайлов, Ю. Крумова)

«Демон балканизации»: геополитическая идентичность Балкан

После революционных изменений на полуострове в XIX – начале XX века в науке и мировой политике актуализировалось представление о Балканах как специфическом *геополитическом* пространстве/регионе. В энциклопедии «Британника» Балканы определены исключительно в политическом аспекте: *Балканы* или Балканский полуостров охватывают территории Албании, Боснии и Герцеговины, Болгарии, Хорватии, Греции, Македонии,

Молдовы, Румынии, Словении и Югославии (Сербии и Черногории). При этом особо поясняется, что «европейская часть Турции принадлежит к Балканам в физико-географическом отношении, но не в политическом – как часть небалканского государства» [Balkans 1995: 833].

Балканский регион как узел пересечений интересов великих держав не имеет ни внутренней однородности, ни геополитической самостоятельности. Концепция Балкан как специфического геополитического пространства (с соответствующей идентичностью) написана *внешними* геостратегами и исследователями. Этот дискурс вписывается в популярную концепцию ориентализма Э. Саида. Синдром *ориентализирующего* мышления применительно к балканскому контексту М. Тодорова определила как *балканизм* [Todorova 2008]. Этот подход подробно рассматривается в ряде работ [Goldsworthy 1998; Дитре 2000; Игов 2002; Jezernik 2004; Todorova 2008; Аврейски 2008].

Дополнительно нельзя не упомянуть несколько проектов балканских элит, как раз направленных на осознание общих геостратегических интересов. Это такие геополитические конструкции как кратковременный Балканский союз (1912–1913), Балканская Антанта (1934–1941), идеи Южно-Славянской федерации, Балканской федерации, Балканской конфедерации (с середины XX в.). Всё это – инициативы панбалканского объединения «изнутри», хотя и в ряде случаев с участием других европейских стран. Некоторые из них частично были реализованы, другие остались на уровне политических переговоров или только на бумаге.

Остановимся на понятии *балканизации*. Оно утвердилось и широко применяется в политической географии, международных отношениях и в дипломатии. Балканизация определяется как процесс «фрагментации большой политической единицы и формирования маленьких государств, среди которых сложились конфликтные отношения» [Dictionary... 2009: 41]. После «холодной войны», характеризовавшейся относительной стабильностью архитектуры международных отношений, в процессе дезинтеграции Югославии «демон балканизации» снова навис над Европой. Географически СФРЮ охватывала части как Балканского полуострова, так и Центральной Европы. В мировой геополитической литературе гражданские войны на территории бывшей Югославии получили название балканских войн, хотя на остальной части Балкан никаких вооружённых столкновений не было. Кроме того, например, Вуковар – один из самых пострадавших во время войн в Югославии городов – и с физико-географической, и с культурно-исторической точки зрения находится в Центральной Европе. Однако в 1990-е годы на Западе образ Центральной Европы символизировал цивилизованность и толерантность, невинную жертву коммунизма. Поэтому невозможно было допустить, что Центральная Европа может оказаться ареной подобных событий – в отличие от Балкан с их негативным образом.

Состав балканского геополитического региона многократно изменялся и так и не получил однозначного определения. В годы распада Османской империи в геополитическом сознании Балканский полуостров ещё не был четко обособлен как геополитическое пространство. В конце XIX – начале XX в. в Российской империи Балканы рассматривались как зона жизненно важных интересов в контексте противоборства великих держав. Полуостров входил в большой регион, включавший Средиземноморье, Черноморско-Кавказский район, Ближний и Средний Восток, Переднюю Азию [Улуян 2002: 261].

По мере формирования современных государственных образований балканских народов в первой половине XIX в. географические границы Балканского полуострова вышли за пределы политических границ не только этих государств, но и остатков Османской империи в Европе [Batowski 1936: 175-176]. В 1878-1918 гг. балканскими государствами называли Болгарию, Черногорию, Грецию и Сербию. К этой группе в 1913 г. присоединилась также Албания. Все эти страны занимали площадь около 371 тыс. км². После Первой мировой войны частью Балканского геополитического региона стали южные, западные и северные (севернее реки Савы) территории вновь созданного Королевства сербов, хорватов и словенцев. Очередное расширение региона состоялось в начале XX в., когда Румыния стала идентифи-

цироваться как балканское государство. Эта страна участвовала во Второй балканской войне (1913 г.), а в 1934 г. присоединилась к Балканской Антанте.

В отличие от ситуации начала XX века, сегодня Балканский геополитический регион – это более широкое пространственное образование, нежели Балканский полуостров. Последняя – физико-географическая – единица охватывает территории современных Болгарии, Македонии, Черногории, Боснии и Герцеговины, частично признанного государства Косово, а также континентальную часть Греции, части Сербии, Хорватии, Словении, Румынии и Турции (см. *таблицу 1*). Учитывая территории всех государств бывшей Югославии, а также территорию Албании, Болгарии, Греции и Румынии, площадь Балканского *геополитического региона* составляет 766 505 км², а вместе с европейской частью Турции – 790 269 км². В самом широком понимании Балканы охватывают также полностью территории Турции, Молдовы и Кипра, которые по разным причинам иногда включаются в этот регион. Вместе с ними площадь Балканского геополитического региона составит 1,58 млн км². Любопытен факт включения Венгрии в Балканский регион немецким историком Э. Хьошем в книге «История балканских стран» [Хьош 1998]. Подобную позицию можно отчасти объяснить тем, что Венгрия в течение столетия имела территориальные владения на Балканском полуострове.

Таблица 1

Государства, полностью или частично лежащие на Балканском полуострове
(расчёт с учётом описанной выше границы по рекам Соча–Идрица–Сора–Сава–Дунай)

Страна	Общая площадь, км ²	Территория в границах Балканского полуострова	
		км ²	%
Албания	28 750	28 750	100
Болгария	111 000	111 000	100
Босния и Герцеговина	51 520	51 520	100
Хорватия	56 540	27 731	49,0
Черногория	14 026	14 026	100
Греция	131 957	107 000	81,1
Косово (<i>частично признанное гос-во</i>)	10 887	10 887	100
Македония	25 710	25 710	100
Румыния	238 391	15 570	6,5
Словения	20 250	5 473	27,0
Сербия	77 474	55 968	72,3
Турция	738 562	23 764	3,2

**Пространство тысячелетнего диалога:
особенности геоисторического и геокультурного кода Балкан**

У Балкан долгая и непростая судьба, уводящая исследователей еще в доисторические времена. Вплоть до османского завоевания Юго-Восточная Европа никакой «цивилизационной периферией» не была: основы европейской культуры закладывались именно здесь, на Балканах. Американский историк сербского происхождения Т. Стоянович, несколько эмоционально преувеличивая, определил Балканы как «первую и последнюю Европу» [Stoianovich 1994]. На этой территории возникла культура фракийцев, появились первые в Европе города (Афины, Пловдив, Микены), развивалась древнегреческая цивилизация. Именно здесь обособилось восточное христианство, а также славянское православие. Как замечает

Й. Цвиич, в Средние века Константинополь был для всего мира нынешним Парижем или Лондоном [Цвиич 2000а: 23]. Несмотря на столь богатое прошлое, в последние несколько веков под влиянием прозападных идей и в результате отставания из-за османского завоевания Балканы в образно-географическом плане стали *отрицанием Европы*. Экзотические, полуориенталистские и населённые варварами, Балканы противопоставляются «нормальности», цивилизованности и линейному прогрессу остальной Европы. Усваивая эти упрощённые западноевропейские стереотипы, восходящие к конструированию «Внутреннего Другого» [Джонсон, Коулман 2012], сами жители Балкан начали воспринимать Европу как цивилизационный идеал и, кажется, всеми силами стремятся покинуть родной регион.

Балканское пространство находится на пересечении двух великих *лимитрофных* зон: между западным и восточным христианством и между христианством и исламом. М. Грчић описывает Балканы как периферию, великое пограничье и одновременно мост между турецкой / исламской, романо-германской, славянской / русской и средиземноморской культурами. Гетерогенность балканского культурно-географического пространства служит причиной неоднозначности балканской идентичности. Для Балкан характерно многовековое сохранение ряда национальных и локальных культур, никогда не объединявшихся воедино. В определённой степени причиной служат физико-географические особенности: изолированность и труднодоступность многих территорий [Грчић 2005: 211]. Яркое проявление многогранности региона – город Дубровник, один из центров европейской культуры, отстоящий всего на несколько десятков километров от гор Албании и Черногории, где вплоть до середины XX века сохранялись родоплеменные модели организации общества.

После распада Османской империи слово «Балканы» становится синонимом языковой, этнической, религиозной и расовой мозаичности. Й. Цвиич обосновал существование *пяти культурных областей* на Балканском полуострове:

1. *Византийско-арумынская* – охватывает Фракию, Восточную Румелию (большая часть нынешней южной Болгарии), Македонию, Грецию с Эпиром и соседние территории Албании, Моравской Сербии, черноморского побережья Болгарии.

2. *Патриархальная* область – включает Боснию и Герцеговину, почти всю Черногорию, Албанию (исключая узкую прибрежную полосу), северную Болгарию, исключая восточное побережье, почти всю Сербию. Патриархальный ареал балканских народов значительно сократился из-за турецкого влияния.

3. *Итальянская* – охватывает узкую полосу западного побережья полуострова, причём части, находящиеся севернее и южнее города Шкодер, существенно разнятся между собой. Пока Далмация развивалась под венецианском влиянием, южное побережье Албании оставалось в сфере влияния не столь «рафинированной» южно-итальянской культуры.

4. *Среднеевропейская* культура (австрийское и венгерское влияние) – включает отдельные территории в Сербии, расположенные на север от Савы и Дуная; современные Хорватию и Словению.

5. *Мусульманская* – обособленные ареалы на юге и востоке полуострова. Турки оказали значительно большее влияние на культуру населения Балканского полуострова, чем византийская культура на самих турок, сказавшаяся лишь на высших слоях турецкого общества [Цвиич 2000б: 33-41].

Другую интересную культурно-историческую типологию балканских народов предлагает философ М. Маркович. Исключая католическое население запада Балканского полуострова, он выделяет здесь *4 цивилизационных типа*:

1. *Греческая* культура – наследница античной и византийской цивилизации.

2. *Южнославянский* тип – охватывает сербов, черногорцев, болгар и македонцев. У православных южных славян сильны традиции патриархальной культуры, высоко ценится гостеприимство, соседские отношения, принципы солидарности и взаимопомощи. К сожалению, в списке их ценностей труд не занимает слишком высоких позиций, что объясняет их незавидное экономическое положение.

Рис. 2. Здание в Белграде, построенное в конце XIX – начале XX вв. в балканском стиле
(Фото автора)

3. *Романская* цивилизация представлена на Балканах, прежде всего, румынами. Они отличаются по языку, но одновременно имеют очень много общего со славянами – православие, исторический общий противник (венгры и турки), схожие традиции, фольклор и кухня.

4. *Исламский* цивилизационный тип обособился на основе религии и характеризуется высокими религиозными требованиями (ежедневные молитвы, упорядоченная жизнь, воздержание от употребления алкоголя и определённых блюд), воинственность и религиозная нетолерантность. Сюда М. Маркович относит турок, боснийских мусульман, мусульман Санджака и албанцев [Marković 2003: 70-73].

Балканское культурное пространство оформилось в результате множественного диалога культур, длительного совместного исторического проживания этнических групп и взаимовлияния разных культурно-цивилизационных типов, языков и диалектов, систем письменности, религиозных верований, музыкальных стилей. Центроостремительные процессы ускорились в период османского господства. В общественно-политическом отношении, по мнению М. Тодоровой, «балканские общества демонстрируют несколько общих признаков, которые служат непосредственным результатом влияния на них османских турок» [Todorova 2008: 386]. Среди этих признаков М. Тодорова называет авторитарный государственный контроль, отсутствие аристократии, малочисленное и относительно слабое мещанство. Всё это объясняет, почему идеи эгалитаризма считаются характерной особенностью региона [Todorova 2008: 368-371].

Вне зависимости от лексической специфики и серьёзных различий греческого, болгарского, румынского и албанского, а отчасти и сербского и турецкого языков, все они демонстрируют много *общих* грамматических правил. На основе объединения этих языков лингвисты обосновали существование *балканской языковой лиги*.

Другой пример межбалканских взаимовлияний – это так называемый *традиционный народный фольклор*. Смешение разнородных компонентов здесь настолько сильно, что при изучении многих песен и ритмов специалисты не в состоянии сказать однозначно выделить основную этническую традицию. Так, многие традиционные мелодии, служащие национальным достоянием македонцев, болгар или албанцев, имеют турецкое или греческое происхождение.

Ещё один пример – так называемый *возрожденский стиль* в болгарской архитектуре, известный с времён поздней Османской империи. Здания в этом стиле встречаются также повсеместно в Турции, Сербии и северной Греции, Македонии и Боснии, Албании и Черногории, где также рассматриваются как типичное «Своё» (см. *рис. 2*).

Балканский культурный ландшафт и балканский город как объективные пространственные маркеры наднациональной идентичности

В массовой культуре и восприятии европейцев с запада и с севера континента *Балканы начинаются там, где заканчивается Европа*. Иными словами – там, где порядок, право и чистота уступают место плохим дорогам, заброшенным зданиям, трущобам местных цыган, градостроительному хаосу, архитектурной эклектике и антисанитарии. В ментальных картах жителей балканских стран ещё несколько десятилетий тому назад Европа начиналась за границей Австрии.

Балканский культурный ландшафт – это общий мир, который каждый серб, болгарин или албанец чувствует «Своим» вне зависимости от политических границ. Посещение соседней балканской страны не сопровождается культурным шоком, даже если разница в языке и религии огромна. Схожими оказываются природные ландшафты, архитектурный облик, строительные материалы, технический уровень и эстетическое состояние инфраструктуры – а вместе с ними ментальность и поведение людей. Американский журналист и публицист Р. Каплан так описывает эти сходства глазами внешнего наблюдателя: «В первый раз я приехал в Грецию поездом из Югославии. Второй раз – из Болгарии, снова поездом. В третий – на автобусе со стороны Албании. Каждый раз у меня было непреодолимое ощущение континуальности и тождественности: горные хребты, традиционные народные костюмы, музыкальные ритмы, расы и религии – одни и те же с каждой стороны границы» [Kaplan 2010: 377].

Некоторые географы и историки используют восточный рубеж ареала распространения романских, готических и барочных храмов как индикатор исторической границы западного христианства. Получается, что для западно-христианской идентичности важным маркером культурного ландшафта служит именно сакральная архитектура. Для Балканского региона найти такой индикатор непросто. Во все времена архитектура и градостроительство этой части Европы были под давлением разных цивилизаций, которые оставили после себя богатое культурное наследие. Иногда указывают на распространение византийской храмовой и гражданской архитектуры как критерия, но, на наш взгляд, здесь стоит обратить своё внимание на более специфичные собственно балканские особенности городских ландшафтов.

Во времена османского господства балканский город и культурный ландшафт получили *материальное* воплощение. Балканский город репрезентирует самым ярким способом пространственную специфику общей наднациональной идентичности. В XIV–XIX веках архитектурная планировка больших городов приближалась к османским образцам. В процессе национального Возрождения балканских народов (XVIII–XIX вв.) османские элементы переплетались с новыми, придавая городам исключительную эклектичность. В связи с этим М. Коева подчёркивает, что специфическая пространственная структура и визуальная привлекательность балканских городов возникли благодаря тому, что османское строительство не сумело полностью разрушить старые структуры, существовавшие с античных времён [Коева 2003].

Несмотря на османское влияние, в XIX в. сформировался особый балканский тип города со своей культурно-исторической, планировочной, архитектурной и эстетической спецификой. Главные признаки балканского города – *сочетание* гористой местности, асимметричной пространственной структуры, неправильной геометрической формы, отсутствия единого градостроительного плана; открытых (в отличие от Центральной Европы) площадей, стилевой эклектики, собственного балканского архитектурного стиля (с XVIII–XIX вв.), полиэтничной и многоконфессиональной структуры населения (см. *рис. 3*).

Рис. 3. Вид на Пловдив – один из лучших примеров балканского города (Фото автора)

Среди замечательных примеров переплетения византийских и османских форм и стилей, переработанных и обогащённых в ходе национального возрождения балканских народов – исторический центр Белграда, города Мостар, Сараево, Скопье, Охрид, Тетово, Салоники, Велико Тырново, Несебыр, Пловдив, Эдирне, Ниш, Берат, Призрен и др. Их неповторимый ландшафт формируется посредством сочетаний таких элементов как старые купеческие дома, башни с часами, деревянные и каменные мосты, церкви и мечети, гражданская архитектура торговых улиц. Разумеется, «балканскость» их архитектурного облика проявляется в исторической застройке (до начала XX века), состоящей под защитой государства. Лучшие образцы балканского города XIX века можно найти в северной Греции, Болгарии, Боснии и Герцеговине, в Сербии южнее реки Сава, в Косово, Албании, Македонии, и – с некоторыми трудностями – в Турции. Это, собственно, и есть ареал сосредоточения типичного балканского культурного ландшафта и балканского города.

**Балканская идентичность:
между культурной принадлежностью и национальным самосознанием**

Выше мы рассмотрели Балканы как физико-географический район, нестабильный геополитический регион, гетерогенное этническое, религиозное и лингвистическое пространство и как специфический культурный ландшафт. Обратим внимание: для современного Балканского геокультурного региона характерно наличие *многих* национальных центров при отсутствии *общего* наднационального ядра, выполняющего консолидирующие цивилизационные функции. Соответственно, определение компонентов балканской идентичности, их иерархии и значимости представляется весьма затруднительным.

Большинство учёных сходится во мнении, что для конструирования уникальности Балканского региона и формирования основ балканской идентичности решающую роль сыграл *синтез византийских и османских традиций*. Как отмечает Т. Витух, «определение границы Балканского региона возможно единственно через наложение трёх различных по

содержанию и датировке явлений: 1) византийское наследие; 2) борьба против доминирования турок-мусульман и 3) пространственный охват этнических территорий народов, полностью участвовавших в первых двух явлениях» [Wituch 1998: 139]. Политические и цивилизационные границы Балканского региона, закреплённые Карловицким мирным договором между Османской империей и Австрией (1699 год), подчёркивает польский историк, исключительно чётко определили охват османской власти в Европе на последующие два века [Wituch 1998: 141].

Основные особенности балканской идентичности определились геоисторическими характеристиками европейских владений Османской империи (XIV–XX вв.). При этом обязательно нужно учитывать переосмысление византийских и османских моделей общественного развития в XIX–XX вв. в условиях национального возрождения балканских народов на основе самобытной патриархальной сельской культуры и фольклора. После подписания Карловицкого мира народы, которые сегодня принято называть балканскими, продолжали развиваться в рамках османской феодальной системы. Культурные, политические, а также хозяйственные инновации распространялись здесь с весьма существенным опозданием. На следующих этапах, главным образом, в XX в., внедрение прогрессивных моделей развития продвигалось с трудом, так как необходимо было преодолевать глубоко укоренённые ментальные установки и модели социальных отношений. Причинами отставания в экономике были медленнее темпы роста городов, примитивное хозяйство, феодальные порядки, авторитарное управление, отсутствие реформ и т.п.

В результате долгого исторического сосуществования на ограниченной территории оформились определённые *наднациональные черты материальной и духовной культуры* – например, в обычаях, кухне, фольклоре, архитектуре и др. Характерная черта всех балканских народов – это чувство *двойственности*, нехватка стабильных ориентиров. Долгое османское владычество принесло провинциализм и утрату динамизма в развитии [Бъчваров, Бъчварова 2004: 126].

В новейшей истории балканские народы, особенно христианские, стремились «очистить» свою культуру от османского наследия. Балканские «возрожденцы» и их последователи начали «стирать» турецкие слова из национальных литературных языков, уничтожать мусульманские святыни, массово заменять турецкие топонимы. Показательным примером здесь служит также строительство идеологии пост-османской Турции, которая после революции К. Ататюрка рассматривала Оттоманскую империю и её наследие как нечто консервативное и исторически отсталое.

Народам региона не удалось избежать негативных ассоциаций, закрепившихся за турецким словом «Балканы» в СМИ и ментальных картах миллионов людей. Поэтому в последние десятилетия в региональных политических инициативах всё чаще употребляется понятие «Юго-Восточная Европа», которое «подчёркивает европейскую принадлежность Балканского полуострова» [Аврейски 1998].

Больше столетия не ослабевает дискуссия о том, какие народы следует считать подлинно балканскими. При этом расположение государственной или этнической территории народа на Балканском полуострове не всегда автоматически означает историческую принадлежность к Балканам как геокультурному пространству. Балканская культурная идентичность, несомненно, охватывает современных болгар, сербов, македонцев, босняков-мусульман, албанцев, греков и черногорцев. Соответствующие современные государства располагаются именно на Балканском полуострове, кроме Сербии, включающей также и центрально-европейскую Воеводину. Неизбежна балканская идентичность болгар – сами Балканские горы (Стара-Планина) почти полностью лежат на территории Болгарии. Добавим здесь, что именно эти горы стали очень важным пространственным символом болгарской идентичности. Во время турецкого ига на Старе-Планине находили убежище сотни тысяч болгар: они строили здесь сёла и городки, которые находились далеко от основных дорог, от главных военных и административных центров турок. Непрístupные Балканские горы были безопасным

укрытием для патриотов и борцов за справедливость и национальное освобождение – *хайдутов* (гайдуков).

Большие части Сербии и Хорватии находятся в границах Балканского полуострова – соответственно, 72,3% и 49,0%. В геокультурном сознании сербов нет никаких серьезных дискуссий о принадлежности к балканским народам (за исключением жителей автономного края Воеводина).

Католические южные славяне, населяющие полуостров, например, Далмацию, Истрию, Славонию, Южную Словению имели свой исторический путь. У них сформировалось *особое* цивилизационное самосознание. Эстетика культурного ландшафта здесь также весьма отличается от постосманских районов Балкан. Самые заметные протесты против включения в Балканский геокультурный регион проявляются у хорватов и словенцев. Все три исторические области, входящие в состав нынешней Хорватии, – Хорватия, Славония и Далмация – имеют крепкие связи с цивилизационными традициями Центральной и Западной Европы. Исключением служит только югославский период хорватской истории (1918-1941 и 1944-1992 гг.), а также XVI–XVII века, когда значительная часть северной Хорватии находилась под османской властью. В религиозном и ментально-психологическом отношении хорваты, несомненно, принадлежат к культуре Центральной Европы. В то же время нельзя согласиться с точкой зрения крайних хорватских националистов, утверждающих, что у них нет ничего общего в этногенезе с такими балканскими народами как сербы, славяне-мусульмане и черногорцы.

Определение Дуная как северной границы Балканского полуострова поддержало большинство учёных. *Румыны* активно используют это физико-географическое обстоятельство, чтобы определить свой народ как латинский и центрально-европейский, отрицая принадлежность к Балканам. Исключая Северную Добруджу, расположенную к югу от Дуная, все остальные культурно-исторические регионы Румынии (Трансильвания, Марамуреш, Банат, Южная Буковина), в течении многих веков были частями Центральной Европы, подчинёнными до начала XX века Вене и Будапешту. Вместе с тем, нельзя исключить румынский народ из балканской истории как православную нацию, находившуюся под византийским и османским влиянием.

Специфическое отношение к балканскому компоненту географии и идентичности сложилось у *турок*, для которых Балканы служат «окном в Европу». Современное турецкое государство занимает лишь 3,2% территории Балканского полуострова. Однако именно это используется как один из аргументов в пользу членства страны в Европейском союзе. Н. Йефтич-Шарчевич утверждает, что турки чувствуют близость к Балканам в социальном, культурном и особенно демографическом отношении в силу наличия здесь турецкой диаспоры, а в ряде стран – и значительного числа (до 5 млн человек) мусульман [Jeftić-Šarčević 2009: 694].

Подводя итоги нашего анализа факторов формирования наднациональной идентичности на Балканах, обратимся к интересной точке зрения А. Алипиевой:

Все балканские страны, находясь на географическом и культурном «перекрёстке», стоят перед неразрешимыми задачами: где искать корни – на востоке или на западе, и куда идти дальше – на восток или на запад? <...> Балканские государства чувствуют близость друг к другу в ментальном отношении, хорошо знакомы со своим образом в глазах европейцев, но если общая панбалканская идея начинает пробивать себе дорогу в жизнь, её реализация обычно останавливается, не доходя до конструктивного финала. <...> Так, в культурном диалоге Болгарии с Россией и Европой, последние имеют ясные и конкретные образы, а вот представления о наших балканских соседях, как правило, игнорируются, и нам не предлагают достаточно материала для строительства общей идентичности [Алипиева 2009].

Заключение

Проведенное в настоящей статье исследование позволяет нам сформулировать ряд существенных выводов, изложенных ниже.

1. Принадлежность к *наднациональной балканской идентичности* определяется целым рядом объективных и субъективных *признаков*: географическое положение страны на Балканском полуострове; принадлежность к Балканскому геополитическому региону; решающее историческое влияние византийских и османских общественных традиций. Не на последнем месте по своему значению находится и изменчивая и подверженная идеологизации геокультурная самоидентификация народов Юго-Восточной Европы.

2. Балканская идентичность – это *только одна из нескольких возможных* наднациональных ориентаций народов Юго-Восточной Европы. «Конкурентами» выступают не только более однозначные, яркие и предпочитаемые национальные идентичности, но также и, например, славянская, православная, католическая, исламская, европейская самоидентификации [Mihaylov 2010].

3. Границы Балканского геокультурного региона носят нечёткий характер, поэтому и точно определить пространственный охват балканской идентичности непросто. Скорее всего, речь может идти о контактной и переходной зоне взаимного наложения сразу нескольких культурных сфер – поствизантийской, постосманской, средиземноморской, центрально-европейской, католической, исламской и др.

4. Географическое положение этнической или государственной территории народа на Балканском полуострове *не означает автоматически* принадлежность к балканской культурной идентичности. Главным образом, это относится к словенцам и хорватам, для которых самым значимым идентификационным маркером сегодня служит принадлежность к католической / центральноевропейской культуре, а «балканскость» воспринимается как «навязанная идентичность» [Slukan Altić 2011].

5. Балканская культурная идентичность, несомненно, охватывает современных болгар, сербов, македонцев, босняков-мусульман, албанцев, греков (хотя и сохраняющих чувство культурно-исторической исключительности) и черногорцев. Эти семь народов не отрицают свою принадлежность к балканскому культурно-историческому синтезу под длительным византийским и османским воздействием. Православные румыны также рассматриваются как участники балканской идентичности, несмотря на их латинские цивилизационные дискурсы и географическую принадлежность, преимущественно, к Центральной Европе.

Литература

Аврейски Н. Балканският геополитически възел и великите сили // Геополитика. 2008. №1. С. 28-65.

Алипиева А. Балкански размишления // LiterNet. 18.03.2009. №3(124). <http://www.liternet.bg/publish/aalipieva/balkanski.htm>.

Бъчваров М., Бъчварова Б. Цивилизационните разнопосочия – недъг и харизма на Хомо Балканикус // Социална и културна география. София – Велико Търново: Унив. изд. Св.св. Кирил и Методий, 2004. С. 125-135.

Грчић М. Балкан као културни субконтинент Европе // Гласник Српског географског друштва. 2005. №1. С. 209-218.

Джонсон К., Коулман А. Внутренний «Другой»: диалектические взаимосвязи между конструированием региональных и национальных идентичностей // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1. №2. С. 107-125.

Дитре Р. Европейският козел отпущения // Култура. 2000. №28.

Игов С. Европейските контексти на българската култура // Европа 2001. 2002. №6.

Карастоянов С. Особенности на съвременното политикогеографско положение на балканските страни // Карастоянов С. Балканите / Политикогеографски анализи. София, 2002.

Коева М. Въведение в архитектурната история и теория // LiterNet. 21.09.2003. <http://www.liternet.bg/publish9/mkoeva/teoria/content.htm>.

Улуниан Ар. А. Геополитические взгляды российской правящей элиты на Балканский регион с конца XIX века до 90-х гг. XX века (проблемы исторической политологии) // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. / Отв. ред. Г. Литаврин, Р. Гришина. СПб.: Алетейя, 2002. С. 260-274.

Хьош Е. История на балканските страни. София: Лик, 1998.

Цвијић Ј. Сабрана дела. Књ. 2. Балканско полуострво. Треће издање. Београд: Српска академија наука и уметности, Завод за уџбенике и наставна средства, 2000а.

Цвијић Ј. Сабрана дела. Књ. 4. Антропогеографски списи. Треће издање. Београд: Српска академија наука и уметности, Завод за уџбенике и наставна средства, 2000б.

Balkans // The New Encyclopædia Britannica. Vol. 1. 15th ed. Chicago: Encyclopædia Britannica, 1995.

Batowski H. Rozwój terytorialny państw bałkańskich w XIX i XX w. // Czasopismo Geograficzne. 1936. T. XIV. №2-3. S. 175-205.

Goldsworthy V. Inventing Ruritania: The Imperialism of Imagination. L.–New Haven: Yale Un-ty Press, 1998.

Jeftić-Šarčević N. Zapadni Balkan u projekciji „Turske strateške vizije” // Medjunarodni problemi. 2010. Vol. 62. Br. 4. S. 691-714.

Jezernik B. Wild Europe: the Balkans in the gaze of Western travellers. L.: Saqi, 2004.

Kaplan R. Bałkańskie upiory. Podróż przez historię. Wołowiec: Wyd. Czarne, 2010.

Marković M. Stosunki wzajemne między różnymi cywilizacjami na Bałkanach // ΣΟΦΙΑ. 2003. №3. S. 69-75.

Mihaylov V. Cywilizacyjna tożsamość Bułgarów: tradycyjne i współczesne dylematy // Sprawy Narodowościowe. Seria nowa. 2010. №36. S. 77-92.

Slukan Altić M. Hrvatska kao Zapadni Balkan – geografska stvarnost ili nametnuti identitet? // Društvena ispraživanja. 2011. №2. S. 401-413.

Stoianovich T. Balkan Worlds: The First and Last Europe. Armonk–N.Y.–L.: M.E. Sharpe, 1994.

The Dictionary of Human Geography / Ed. by Gregory D., Johnston R., Pratt G., Watts M., Whatmore S. Oxford: Wiley-Blackwell, 2009.

Todorova M. Bałkany wyobrażone. Wołowiec: Wyd. Czarne, 2008.

Wituch T. Bałkany – szkic definicji // Dzieje najnowsze. 1998. №2. S. 135-144.